

ПЛОЩАДЬ Вьоле, XV округ. 28 сентября 1934 года, 13 часов 20 минут. Именно тогда юная Ани-Мари Мюсель по прозвищу «Тоти», немногим более года назад ставшая женой Луи Бардо по прозвищу «Пилу», произвела на свет у себя дома хрупкое розовое создание...

Супруги ждали мальчика. Ну, разумеется, мальчика! Они назвали бы его Шарлем. Они ведь не могли тогда знать, что только что родившемуся прелестному существу суждено стать знаменитой Брижит Бардо — символом юности и красоты.

С того дня свечи на праздничном торте зажигались уже шестьдесят раз. И вот мы в гостях у Брижит, в ее изящно отделанной квартирке на ули-

За рубежом. — 1994. — 18-24 ноября (№46). — С. 12-13.

Браво, Брижит!

це Тур. Все стены увешаны семейными фотографиями. Мягкий свет косо падает на охристо-красноватые стены, делая комнату чем-то похожей на «русский ночной ресторан». Босоногая хозяйка в узких джинсах и просторном черном свитере легко скользит по комнате. У нее прямая спина и безупречная осанка вечной балерины. Наконец она усаживается, все так же прямо держа спину, готовая отвечать на неизбежные вопросы.

«Я дикарка по натуре»

— **ВСЕ** женщины на свете завидовали вашей красоте. Но еще они завидовали вашей свободе. Вы были, как выразился однажды Роже Вадим, «недостижимой мечтой женатых мужчин». В сентябре вам исполнилось 60. Вы давно и добровольно ушли из мира «звезд», но тем не менее до сих пор остаетесь живой легендой.

(Она слегка морщится, изобразив на лице свою знаменитую чуть обиженную гримаску, и ее ореховые глаза моментально темнеют. Протестует, не давая закончить едва начатый портрет.)

— Но я вовсе не считаю себя легендой! Это вы все почему-то делаете из меня легенду!

— **Мы все** — это по меньшей мере миллиард мужчин! Ваш старинный приятель Кристиан Бренкур рассказывал, что, путешествуя по свету в качестве репортера, он находил ваш образ повсюду: даже на Северном полюсе, где встретил бретонского старика кюре; даже во Вьетнаме, где на его глазах умирал солдат, пряча в нагрудном кармане вашу фотографию; даже у пиратов китайских морей. Ваши снимки и ваши песни были везде. Да и не он один рассказывал подобные вещи. Именно это я и называю «быть живой легендой».

— Может быть, это и правда, но я все равно не воспринимаю себя в качестве легенды. Вообще шумиха вокруг моего 60-летия казалась мне каким-то безумием. Подумаешь, дело государственной важности. Причем все повторяется каждые десять лет — и когда мне исполнилось 30, и 40, и 50. Та же самая суета. Я понимаю, конечно, люди хотели сделать мне приятное, вспомнили обо мне, но в конце концов это надоело. Я ведь по натуре дикарка. У меня душа крестьянская, и шум вокруг моей персоны всегда повергает меня в тихую панику. Я бы предпочла, чтобы меня оставили в покое.

(Она становится чуть менее напряженной, наливает себе немного шампанского, а потемневшие были глаза снова светлеют.)

— Вашу жизнь можно представить себе как набор цветных слайдов, среди которых нет-нет да и мелькнет черно-белый снимок. Вокруг вас все время видны поклонники, вас обожали, за вами ухаживали... Но бывали периоды, когда вы оставались совсем одна. Даже пытались покончить с собой.

— В моей жизни всего было чересчур. И хорошего, и плохого. Это как декорация и ее изнанка. Жизнь в мире кино — неустойчивым и непостоянным миром, который я никогда не любила, — очень трудно. Не у всякого человека выдерживают нервы. Многие всемирно известные «звезды»

покончили с собой. Или пытались это сделать. Как и я.

Когда разбивается большая любовь

— **Вы** пытались несколько раз...

— Да. Просто наступали минуты, когда я чувствовала — все потеряно. Минуты, когда не знаешь, за что уцепиться. Когда тебя предают несколько раз подряд, перестаешь различать, где истинные друзья, где близкие люди, а где — корыстолюбцы. Увы, все это мне пришлось пережить. Иногда приходилось спрашивать себя: а настоящая ли это любовь? Да и вообще любовь ли это? Я была «звездой», дела у меня шли прекрасно, и вдруг оказывалось, что человек, который рядом, был со мной не потому, что любил меня, а потому, что ему хотелось погреться в лучах моей славы. Это настолько выбивает почву из-под ног, что пропадает всякое желание продолжать...

— **Вы** родились под знаком Весов, но ессы — это еще и символ правосудия, символ справедливости. Так вот, если всю вашу жизнь разложить на две чаши весов, как вы думаете, какая из них перевесит? Та, на которой радости, или та, на которой печали и сожаления?

— Обе будут перегружены. Я страстно люблю жизнь! Когда я счастлива, счастье мое не знает границ. Я буквально парю в облаках. Готова

Брижит Бардо в 1968 году. Фото «Цайт», Гамбург.

отдать себя все целиком. Но когда мне плохо, все бывает наоборот. Я не умею держать в рамках свое отчаяние. Оно у меня бездонно.

— **И** как вы поступаете в такие моменты? Просто отдаетесь «на волю волн» и ждете, когда все пройдет само собой? Или же пытаетесь найти какую-то поддержку? Например, в других людях?

— Ничего я не ищу. Зарываюсь в свою нору, как раненый зверь.

— **И** хотите, чтобы вас оставили в покое?

— Именно эта черта делает меня похожей на зверей. Ведь каждый раз, стоило мне привязаться к человеку, за этим неизбежно следовало его предательство, а падкие на сенсации газеты раздували из этого шумные истории. Они буквально набрасывались на меня в минуты моей слабости, усталости и отчаяния. Поэтому сейчас, когда со мной случаются похожие вещи — хотя должна сказать, что со временем острота переживаний ослабла и я уже не так бурно переживаю и радости, и огорчения, — силы для преодоления черпаю в самой себе. В себе и своих четвероногих друзьях. Понимаете, я ведь чувствую перед ними ответственность. Моя жизнь наполнена смыслом. И все благодаря моему фонду защиты животных. Я посвятила этому делу себя целиком. У меня и сейчас бывают серьезные проблемы, когда почва уходит из-под ног. Но теперь мне есть за что уцепиться.

— **Как** мужчины относились к этому вашему увлечению? Оно их раздражало, причиняло им неудобства? Не навязывали ли вы им свое отношение к животным? Ведь на съемках вы постоянно притаскивали в свою комнату то потерявшегося ослика, то бездомного пса, так что в конце концов она начинала напоминать Ноев ковчег...

— Это было мое личное дело. Да, я держала ослика, собаку, кошку, еще кого-то. Но поскольку сама содержала и себя, и животных, то могла делать то, что мне заблагорассудится.

— **Какие** отношения сохранялись у вас с такими известными людьми, как кинорежиссер Роже Вадим, актер Жан-Луи Трентиньян?

— Когда разбивается любовь — большая любовь! — я больше никогда не встречаюсь с тем, кого любила. В душе храню воспоминание о лучших моментах этой любви. Я бы просто не вынесла, если бы такая любовь превратилась затем в какую-то банальную дружбу. Дружба — одно, страсть — совсем другое. Для меня это совершенно особенное чувство, высшее. И очень хрупкое.

— **Ваше** отношение к мужчинам всегда бесило феминисток. Вы как-то заявляли: «Мне необходимо чувствовать свою зависимость». Что вы имели в виду под словом «зависимость»?

— Вчера вечером я просматривала журнал «Эль» и наткнулась на статью, где поставлен такой вопрос: «Кем вы себя считаете: зависимой, влюбленной, влюбленно-зависимой, зависимо-влюбленной?» Так вот, я абсолютно зависима. Целиком и полностью.

— **Зависимы** от чего? От самого факта пребывания рядом с вами мужчины, от его нежности, от его поддержки? Что это значит — быть зависимой от мужчины?

— Разумеется, я говорю не о финансовой зависимости. Для меня главным всегда была любовь. Любовь, по моему, выше всего на свете, она одна приближает нас к совершенству. Конечно, когда это настоящая любовь...

Мне кажется, во мне вообще женское начало выражено очень сильно. Я — женщина до мозга костей и именно поэтому чувствую к любимому человеку такую сильную привязанность. Он просто становится условием моего существования. Как цветок не может жить без воды, так я не могу жить без него.

— **И** разрыв становится для вас трагедией...

— Разрыв иногда можно сравнить со смертью...

— **И** долго длится этот период?

— Иногда очень долго. В последний раз — семь лет. Это как траур.

— **И** как же вам удалось в один прекрасный день снова выбраться из мрака на свет?

— Вначале я зализывала раны. Потом сказала себе, что для дальнейшей жизни обязательно должна быть цель. Нельзя же жить, созерцая собственный пупок, — если только ты не законченный эгоист. И тогда я создала свой фонд защиты животных. Любви в моей жизни больше не было, как и мужчины, ради которого стоило бы жить. Зато были животные. И ради них жить стоило. Вот так мне и удалось восстановить в своей жизни равновесие, сильно пошатнувшееся после последней любовной катастрофы.

Брижит Бардо отмечает свое 60-летие у себя дома с мужем Бернаром д'Ормалем.

«Мои животные безразлично, есть у меня морщины или нет»

— **И** **Вы** всей душой отделились своему фонду...

(Глаза у Брижит загораются, и она с удовольствием повторяет мои слова.)

— **Вот** именно, всей душой.

— **В** ваш фонд, как правило, вступают люди скромные, небогатые. Но есть ли среди его членов знаменитости, которые могут помочь крупными денежными взносами, наконец, своими именами?

— Я как раз собиралась об этом сказать. Знаете, я ведь получила ко дню рождения замечательный подарок. Гунтер Сакс прислал фонду 60 тысяч долларов. К моему 60-летию — 60 тысяч долларов! Разве не чудесно? Это так по-джентльменски! Я ему очень благодарна за этот благородный жест.

В фонде есть очень известные люди: принцессы, актеры, певцы, но в то же время в него входит очень много простых скромных людей, для которых даже 100 франков — огромная сумма, которую приходится отрывать от себя, и все же они присылают эти деньги.

— **Вы** не рассчитываете, что кто-нибудь из ваших бывших мужей повторит жест миллионера Гунтера Сакса?

— Кроме Гунтера, никто из моих бывших «сердечных привязанностей» не входит в фонд. Если бы все они сделали то же самое, фонд был бы спасен.

— **Вы** встречаетесь с Гунтером?

— Я не видела его с того дня, как мы расстались, с 1968 года.

— **Это** было трудное расставание?

— Расставаться всегда трудно. Но я ведь живу — и это главное. Прошлое для меня умерло. Оно стало фундаментом, на котором я строю настоящее, а что будет в будущем — неизвестно.

— **И** все же некоторые, например, Роже Вадим, сыграли в вашей жизни огромную роль.

— Не больше, чем все остальные. Для рекламы — да, он значил довольно много, ведь это именно он снял меня в фильме, которому суждено было стать моей «второй кожей», — «И Бог создал женщину». Я очень

любила его. Хотя он и не был моим Пигмалионом, но благодаря ему я освободилась от многого, что мне мешало.

— **Он** написал книгу о женщинах, прошедших через его жизнь...

— Книгу, которая стоила ему шумного судебного процесса. Я ее не читала, но предполагаю, что он рассказывает в ней не очень-то красивые вещи, достаточно интимные, те, которые никого из посторонних не касаются. Если один — как, например, Гунтер — могут вести себя по-джентльменски, то другие — как Вадим — просто выказывают собственную невоспитанность. Он заработал кучу денег, рассказывая интимные подробности о себе и женщинах, которых знал.

— **В** 50—60-е годы началось мощное молодежное движение, обозначившее резкий разрыв между поколениями. Родители послевоенного поколения детей продолжали жить так же, как жили и до войны. Все постепенно вело к своего рода взрыву, который и случился. Вспомним Джеймса Дина, к примеру. И именно вы стали мотором этого движения молодежи.

— Мне кажется, я просто стала жертвой обстоятельств. Не успев выйти из детства, когда я жила, со всех сторон опекаемая своими родителями...

— **Вы** как-то даже сказали, что родители держали вас «взаперти»...

— Так вот, можно сказать, что прямо из объятий своей гувернантки я попала в объятия Вадима. Девочкой я даже не имела права одна выходить из дома.

— **Ваши** гувернантки отягчались строгостью.

— И полученное воспитание осталось со мной. Вадим попытался освободить меня от него, но разве можно за такое короткое время разрушить то, что закладывалось годами? Ну а потом я снялась в фильме «И Бог создал женщину». И снова оказалась пленницей — на этот раз не родителей и не мужа, а мною же созданного образа. С тех пор я уже не жила сама по себе, отдельно от этого образа.

— **Вы** даже внешне продолжаете оставаться такой же. У вас та же самая манера держаться. Да что говорить, ведь вы создали «стиль Бардо»!

(Смеется.)
— Ну что там осталось от «стиля Бардо»!

(И тут, глядя прямо в глаза, я задаю неизбежный вопрос, сознавая, что посылаю прямо в сердце женщине отравленную стрелу.)

— Многие актеры и актрисы, стремясь отсрочить приближение старости, пользуются услугами пластической хирургии. Не собираетесь ли вы попробовать это на себе?

(Отвечает не задумываясь.)

— Я этим не пользуюсь. Во-первых, потому что ди-и-ко боюсь хирургов! Во время одной операции у меня уже останавливалось сердце. Но главное — моим животным совершенно безразлично, есть у меня морщины или нет. Проблема лишь в том, что я должна выступать по телевидению и фотографироваться для своего фонда. Я ушла из кино в надежде, что в памяти людей останется мой юный образ. Да, вы не увидите меня постаревшую ни в одном фильме, зато можете увидеть в кинохронике. В любом случае жизненный опыт — явление непостоянное. Можно, как вы думаете, сделать подтяжку души, подтяжку сердца? То-то и оно. В морщинах нет ничего хорошего, но я принимаю их, потому что они часть моей жизни. Для женщины морщины значат гораздо больше, чем для мужчины. Для меня, может быть, они значат особенно много, потому что многие люди не стеснялись высказываться на мой счет.

— **Вы** что-нибудь слышали?

— Даже получала письма очень злого содержания. Там было, например, написано такое: «С вашей-то внешностью! Да ваши козы рядом с вами — королевы красоты!»

— **Но** ведь то время, когда женщины безумно ревновали к вам и готовы были вас растерзать, уже прошло?

— Когда я была красивой, они мне завидовали. Сегодня жаждут мидеи и называют меня «старой клейчей». Разумеется, женщины бывают разные. В той борьбе, которую я веду, у меня гораздо больше сторонников среди женщин, чем среди мужчин. Женщины понимают меня гораздо лучше.

(Брижит наливает себе еще чутюшку шампанского. Улыбается, и сразу кажется, что вокруг стало светлее.)